

Е.В. НИКОЛЬСКИЙ
(Москва)

**ПРАВОСЛАВНОЕ
МИРОПОНИМАНИЕ
В ФИЛОСОФСКО-МИСТИЧЕСКОЙ
ДИЛОГИИ ВС. СОЛОВЬЁВА
(романы «Волхвы» и «Великий
Розенкрейцер»)**

Рассмотрены романы Вс. Соловьёва (1849–1903) «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер», проанализированы столкновение и антитеза христианских и гностических представлений о мире и человеке на примере судеб ведущих героев диалогии и второстепенных персонажей.

Ключевые слова: *исторический роман, XVIII век, православие, масонство, гностицизм, гуманизм, христианские ценности, сверхчувственное знание.*

Особняком в творчестве Вс. Соловьёва стоят два исторических романа – «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер». Здесь писатель рассматривает не социально-бытовые коллизии и не особенности русской истории XVI, XVII и XVIII вв., не «эпос частной жизни» на примере одной семьи («Хроника четырех поколений»), а подходит к художественному осмыслению былого с иных позиций. Поскольку действие диалогии происходит в царствование Екатерины Великой и кроме самой государыни в ней фигурируют другие исторические лица, мы рассматриваем их наряду с другими историческими романами писателя. В них отразились его увлечения мистикой, спиритическими и медиумическими явлениями. В них, как и в других исторических произведениях, Вс. Соловьёв ярко живописует минувшую жизнь, показывает колоритные характеры наших предков.

Вс. Соловьёв в течение многих лет занимался оккультной литературой. Литературный критик П.В. Быков отмечал, что романист считал это своей значимой стороной, ибо, по словам самого писателя: «...выполнению второй задачи, потребовавшей от меня пятилетних усиленных трудов, преимущественно за границей... посвящены романы “Волхвы” и “Великий Розенкрейцер» [1]. Племянник романиста, отец Сергей Соловьёв, свидетельство-

вал, что «впоследствии этот интерес к индусской мудрости все более уступал место простой вере» [2, с. 23]. Благодаря дружбе со святым Иоанном Кронштадтским Всеволод Сергеевич смог обрести радость жизни в молитве и общении с Богом, по этому пути автор провел и своего главного героя, князя Юрия Кирилловича Захарьева-Овинова.

Для анализа проблематики мистической диалогии Вс.Соловьёва необходимо кратко рассмотреть сущность и истоки тех форм духовности, которые привлекли внимание писателя в ракурсе идеологической полемики. В средневековых и постренесансных гностических доктринах типично понимание знания как самоценности, порой в ущерб другим сферам бытия, а также отрицание ценностей материального мира, в том числе брака и семьи, презрение к самой жизни, почитание самоубийства, гордое удаление от общества и т.д. Это учение было составной частью псевдохристианских доктрин, существовавших в Средиземноморье в постантичную эпоху, ведь гностицизм повлиял на возникновение большинства крупнейших ересей, в том числе манихейства и последовавшего за ним масонства и розенкрейцерства, что было подробно описано Вс. Соловьёвым в его мистической диалогии.

Вс. Соловьёв, изучавший в *Bibleoteque National de Paris* наследие европейских мистиков, не мог не коснуться вопроса о сущности так называемого «тайного знания» и его влияния на духовную жизнь человека. Мастерски используя полученные сведения, автор создал картину европейского и русского общества конца XVIII в., в котором мистицизм получил вполне определенное развитие. Доминантой романов служит глубокая, серьезная идея о высшей степени знаний человека.

Первая часть романа «Волхвы» посвящена этическим и гносеологическим проблемам, зачастую не отделяемым писателем друг от друга. Получив прекрасное образование в одном из немецких университетов, главный герой, князь Юрий Кириллович Захарьев-Овинов, не удовлетворяется достигнутым и продолжает поиск сверхчувственного знания (намеренно сокрытого от многих и не связанного с христиан-

ским миропониманием), которое будто бы обеспечит абсолютное счастье.

Вс. Соловьёв в одной из первых глав романа «Волхвы» вводит читателя в суть проблемы. Повествуя о главном герое, он отмечает, что в то время было немало людей, мистически настроенных, «томившихся и скучавших среди видимой действительности. *Эти умы, увлекаемые жаждою чудесного и не умевшие найти удовлетворения своей жажды в слишком для них высокой и великой чистоте и простоте христианского учения, вернулись к древним средневековым мечтаниям*, разыскивали остатки древних тайных наук и силились сдернуть покрывало с таинственного лика Изиды» [3, с. 23] (курсив наш. – Е.Н.).

Захарьев-Овинов высказывает антигуманистические манихейские взгляды, согласно которым «высшее благо человека состоит в уничтожении материи и освобождении духа. Если материя – зло, а земная жизнь – лишь миг перед вечностью, лишь кратковременная темница духа, то как же я могу страдать и плакать от того, что людям, быть может, холодно и голодно? Ведь я хорошо знаю, что телесный голод и холод – ничто, вовсе не беда, не горе, а спасение» (Там же, с. 381).

В теориях ордена розенкрейцеров, описанных в соловьевской диалогии, сохранялись не принятые ни христианской церковью, ни европейской философией древние гностико-манихейские воззрения. Антропологические концепции манихеев были противоречивыми. С их точки зрения, человек – творение тьмы, дьявола, заключившего душу – искру света – в оковы плоти. Таким образом, манихеи учили, что душа создана Богом, а тело – дьяволом, т.к. один из их постулатов гласил: тело – темница для души. В романе «Волхвы» автор выразил жизненное кредо князя Юрия в следующей фразе: «чем быстрее идет его собственное развитие, тем он более очищается и возвышается над материей, тем он легче будет очищать и поднимать других» (Там же, с. 276).

Новозаветное мирозерцание и последующая традиция богословской мысли категорически не принимали подобных суждений. В дальнейшем гностическая ересь продолжала существовать, спрятавшись под другими названиями в тайных обществах. В Средние века гностицизм проник в христианство под видом каббалы, ал-

химии, астрологии и магии, а также в воззрениях тамплиеров, розенкрейцеров, т.е. всего того, что так увлеченно изучал князь Захарьев-Овинов.

Манихейские (эзотерические) доктрины реализуются в идеологии и поступках Юрия. Прежде всего, это касается *неисполнения* им двух заповедей Иисуса Христа (своеобразной квинтэссенции всего Нового Завета) – о любви к Богу и ближнему. Внешне Юрий оставался христианином, но при этом не замечал того, что изменения, произошедшие в его уме и сердце, способствовали его удалению от Евангелия. Писатель на примере судьбы Захарьева-Овинова показал то, каким образом человек может получить такие способности и как это может отразиться на его дальнейшей судьбе. В романе «Великий Розенкрейцер» освящен итог жизненного пути князя Юрия, рассматриваемый с позиций христианской антропологии и евангельской этики.

В первой части диалогии романа «Волхвы» автор повествует о сути тайных знаний и путях овладения ими. В связи с этим он отмечал, что посвящавший Захарьева-Овинова учитель «доказал ему основательно свои познания, свою силу, показывал ему явления, ясно и неоспоримо говорящие о том, что человек может получить громадную власть над природой и по своему желанию комбинировать и направлять ее силы» [3, с. 270] Такова, по мнению писателя, суть духовной практики, распространенной в тайном обществе искателей истины. Последователи этого учения достигали такого состояния, что «желать» уже означало «возмочь». Розенкрейцеры приобретали знание ради самого знания; завет Христа «любить ближнего своего как самого себя» (Мф. 5, 44.) стал им чужд, т.к. представления о мире и человеке исходили не из евангельских (гуманистических), а из языческих (гностических) доктрин.

Описывая «рыцарей Розы и Креста» во всеоружии высочайших знаний, Соловьёв не делает из них, однако, фантастических фигур. Это живые люди, психология которых представляет не сказочный, а вполне реальный характер. Автор ставит перед читателями *вопрос не о сущности* сверхчувственного знания, а о моральном отношении к нему и путях его применения, раскрытых в диалогии на примере судьбы кня-

зя Юрия Захарьева-Овинова. Гносеологическая проблематика диалогии уступает место этической. Вс. Соловьёв рассматривал в этих произведениях не влияние гностических и мистических учений на духовную жизнь общества, а то, как увлечение эзотерикой деформирует личность главного героя, князя Юрия. Именно с этой целью автор создал «романную ситуацию» данных произведений, сосредоточивая все внимание читателя на истории духовных поисков Захарьина-Овинова.

Понятие «романная ситуация» было разработано А.Я. Эсалнек. Это понятие представляется настолько значимым, что заслуживает более подробного упоминания. «Под ситуацией, – разъясняет исследовательница, – понимается расстановка и соотношение характеров в художественном произведении и соответствующее этому расположение и взаимоотношение пластов художественного содержания. Романная ситуация обладает рядом особенностей. Главная из них заключается в том, что расстановка характеров обязательно предполагает дифференцированное изображение среды и выдвигание на передний план двух-трех, не более четырех персонажей, чьи судьбы занимают основное внимание автора и воспроизводятся наиболее детализированно... Их судьбы и их изображение предопределяют и масштабы пространства, вовлекаемого в повествование... и количество тех факторов, которые участвуют в формировании и реализации их сознания» [4, с. 92]. Следовательно, романная ситуация определяет и наличие в произведении сходных и различных характеров и вытекающий отсюда принцип столкновения или сопоставления сознаний и типов поведения. В мистической диалогии Вс. Соловьёва этот художественный принцип реализован в полемике двух основных героев – князя Юрия и священника Николая. Их образы созданы яркими и запоминающимися и ни в коей мере не являются оболочками для внедрения в произведение идеологических программ.

Юрий не смог найти смысла жизни и вернуть себе внутреннюю гармонию до встречи с бабushкой. Ведь немаловажной ущербной чертой личности князя стало его презрительное равнодушие к высшему благу – Богу, источнику и смыслу человеческого бытия. Желая понять то, что ему

было неведомо, он спрашивает отца Николая: «– Скажи мне, как ты жил, как достиг того, чем теперь владеешь, скажи мне, не таясь, брат мой!» [3, с. 375].

Примечательна сама реакция пастыря Христова на этот вопрос «просвещенного» князя: *Опять священник как бы с некоторым недоумением взглянул на него.* «– У меня нет **ни от кого тайностей**, – воскликнул он, – а уж пред тобою, князь, перед притным моим и кровным моим, зачем же таяться?» (Там же, с. 375) (выделено нами. – Е.Н.). В словах отца Николая автор раскрывает сущность христианской религии, для которой всегда была чужда какая-либо эзотерика. Все, чем обладает вера Христова, раскрыто всем и каждому, ибо любящему Богу нечего скрывать от чад своих и учеников.

Вводя в роман этот диалог, писатель как бы переставляет акценты, стремясь перевести мысли читателя от «дольного» (земного) к «горному» (миру духовному), т.е. к размышлениям о Боге. Отец Николай еще в юности пережил обращение ко Христу, которому он посвятил все свое; *он допустил Бога в свое сердце и позволил Ему действовать в себе и через себя.* Иными словами, он твердо и решительно встал на путь святости. Движимый глубоким чувством любви к Своему Творцу, священник получил от Него силу творить чудеса, т.е. выходить за рамки «должного и обыденного». Но при этом пастырь Христов понимает, что чудеса не являются самоцелью, как полагал Юрий, главное заключается в ином – в обретении всей своей жизнью богоподобия.

В словах отца Николая писатель выразил свой взгляд на эту проблему: *«Когда человек живет вдали от Бога, не освещаясь Его светом и не согреваясь Его теплом, то он окружен ночьюю темнотою, и в этой темноте может, конечно, принять зло за добро, а добро за зло. Но если он душою прикрепится к Богу, то, согретый и освобожденный Богом, он не может ошибаться. Как бы ни был ограничен его разум, он легко отличит добро от зла. Бог есть любовь, человек же создан Творцом по Его образу и подобию, и цель земной человеческой жизни заключается в том, чтобы усовершенствовать в себе образ Божий и подобие, то есть наполниться любовью»* (Там же, с. 376) (выделено нами. – Е.Н.).

Итогом духовного развития Захарьева-Овинова стало полное переосмысление жизненных норм и ценностей в соответствии с двумя главными заповедями Евангелия о любви к Богу и ближнему. Он не отказался от знания и даруемой им силы, не впал в другую крайность: полное отрицание смысла науки и познания, что в христианстве именуется ересью гносеомахии, состоящей в войне против познавательных усилий человека. Юрий под благотворным влиянием отца Николая духовно прозревает, открывает новые сферы бытия, о которых ранее и не подозревал. Жизнь обретает смысл в служении ближним, ибо раньше князь, по словам священника, «не осушил ни одной слезы, не сделал счастливым ни одного Божьего создания» [5, с. 382].

Возможным и единственным исходом для Юрия оказались полное переосмысление ценностей и взглядов и обращение к Христу. В романах «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер» Вс. Соловьёв показал необходимость, начало и конечный результат духовной эволюции Захарьева-Овинова. Однако сам процесс его озарения и преображения не был подробно описан романистом.

Литература

1. Быков П.В. Вс.С. Соловьёв: его жизнь и творчество // Полное собрание сочинений / Вс.С. Соловьёв. Спб., 1917. Т.1. С. 43 – 44.
2. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция. М., 1997.
3. Соловьёв Вс. Волхвы. М., 1993.
4. Эсалнек А.Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения. М., 1985.
5. Соловьёв Вс. Великий Розенкрейцер. М., 1994.

Orthodox world-view in philosophical mystical work by Vsevolod Soloviov (novels “The Magi” and “The Great Rosicrucian”)

There are considered the novels by V.Soloviov (1849– 1903) “The Magi” and “The Great Rosicrucian”, analyzed the collision and antithesis of orthodox and gnostic conception of the world and man in the example of main characters’ fate and secondary personages.

Key words: *historical novel, XVIII century, orthodoxy, freemasonry, gnosticism, humanism, Christian values, pretersensual knowledge.*

О.А. ПИСЬМЕННАЯ
(Сургут)

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЖИЗНЬ» В МАЛОЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

Предлагается анализ концептосферы «жизнь» в малой прозе И.А. Бунина. Рассматриваются концептуальная картина мира писателя, а также лингвистическая интерпретация, способы и средства репрезентации концепта.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, концептуальная картина мира, жизнь, лингвокультурология.*

Решение вопроса репрезентации концептосферы «жизнь» в малой прозе И.А. Бунина, его концептуальной картины мира, безусловно, требует четкого определения понятий «концепт», «концептуальная картина мира». В конце XX в. обозначился переход к антропоцентричной научной парадигме. Гуманитарная наука открыла для себя новый предмет и инструмент анализа – концепт как смысл, универсалию, идею, закрепленную в культуре, психике, ментальности и репрезентированную в языке.

Все толкования термина «концепт» можно свести к двум основным подходам. Концептуально-лингвистическое направление (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицка, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Дж. Лакофф и др.) рассматривает концепты в качестве ментальных образований, заложенных в сознании человека. По мнению ряда ученых, мир репрезентирован в нашем сознании в виде определенных ментальных структур, и основная проблема заключается в том, чтобы выяснить, какими структурами знания, мнения и оценки человек обладает, какие ментальные репрезентации и законы регулируют и определяют его картину мира в целом. Концептуально-культурологическое направление (Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик и др.) рассматривает концепт с точки зрения целого комплекса гуманитарных наук (лингвистика, литературоведение, логика, философия, культурология, искусствоведение). Данный подход